

САДЫ СЛОВЕСНОСТИ

ЛАКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ 2000 ГОДА

Сигурд Шмидт

МЫ СОБРАЛИСЬ в год юбилея журнала «Новый мир», его 75-летия, а пик славы журнала и его воздействия на общественное сознание — это время, когда редактором был Твардовский, приглашенный в редколлегия и потом своим первым заместителем Лакшина. 2000 год — это и год 30-летия с тех пор, когда журнал Твардовского перестал существовать. Для людей моего поколения «Новый мир» Твардовского едва ли не самое знаменательное и запомнившееся явление культуры и общественной жизни периода, наступившего после разоблачения культа личности. Деятельность именно Лакшина во многом определяла лицо «Нового мира» тех лет. И Твардовский — всемирно авторитетный литератор, любимый подданный России, особенно современников Великой Отечественной войны, прижизненно признанный классиком нашей литературы, приглашенный Лакшина, имел основания для такого выбора. Великий поэт ведь был глубоким мыслителем в своих поэтических произведениях и автором интересных и оригинальных статей и устных выступлений о классиках нашей литературы прошлой и о современниках. А Лакшин, как никто другой, совмещал в себе, подобно Добролюбову, и литературного критика, и ученого историка литературы. И пока, к счастью, они оба — и Твардовский, и Лакшин — ставили перед собой задачу не только формировать общественное сознание и самосознание людей, но и возратить характерные для литературы русской в XIX веке увлечение и интерес к толстым журналам.

НАСЛЕДНИК РОССИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Для Владимира Лакшина этика и эстетика были нерасторжимы

родованным в дни юбилея журнала. И потому солидаризируюсь с выступлением В.А. Твардовского и в его пафосе, и в его горечи.

Но оставленное в памяти Лакшиным, внесенное им в нашу культуру и в нашу науку не ограничивается временем его работы в редакции «Нового мира». Он был и приглашен туда потому, что уже стал известным читающей публике выдающимся литературным критиком, автором книги «Толстой и Чехов» и многих статей, любимым преподавателем в Московском университете, а после ухода из журнала более двадцати лет издал книгу за книгой, статью за статьей, и некоторые из этих трудов прочно закрепились в историографии литературоведения; стал редактором журнала «Иностранная литература», академиком Российской академии образования, приобрел к высокой культуре миллионы телезрителей. И только учитывая все это, можно в должной мере осознать и то, что стремился сделать Лакшин в «Новом мире», — успел сделать и понять то, что деятельность редколлегии «Нового мира» Твардовского, Лакшина и их товарищей привела к изменению понятий о роли журналов в нашей повседневности, в формировании нашего сознания, и следствия того были разные, и отнюдь не однородные — одним из них была и противостоящая направленности «Нового мира» и его откровенной тенденции возрождения лучших традиций российской интеллигентности деятельность коллектива «Октябрь», а затем и иных изданий более близких к нам времени.

«Новый мир» Твардовского не только привлек к участию в журнале прогрессивно мыслящих людей, но и даровитейших мастеров художественного слова. Сосредоточив внимание на современной России, ее будущем, традициях культуры, которые следует передать этому будущему, «Новый мир» был по-пушкински отзывчив к явлениям мировой литературы, мировой истории, интернационален в широком смысле этого понятия. Отечественная литература и отечественная история мыслились как части всемирных явлений, обогащающих их и обогащаемые ими.

Лакшин — подлинный наследник российских просветителей, деятельность которых восходит еще к журналам Новикова. И здесь вспоминаются сестры «разумного, доброго, вечного» — не только революционные демократы, но и Карамзин и Пушкин до Беллинского и Герцена, и Чехов на рубеже XIX и XX столетий.

Для Лакшина, как и для иных, заповедь этики и этики неотторжимо друг от друга. Он более других своих современников тяготел к традиции великих критиков, целью которых было воспитание общественного сознания и нравственности. У нас — увяло — укоренилось представление о том, что критиковать — это значит находить недостатки, то есть заниматься только критиканством. Между тем называвший себя сам критиком Беллинский не только отмечал слабые стороны творчества Бенедиктова, но и первый написал цикл статей о Пушкине, восхищаясь Лермонтовым. Лакшин неизменно сохранял и собственное достоинство и старался сохранить и поддерживать достоинство русской литературы, русской культуры России.

Лакшин действовал с убеждением в том, что его долг — приобщать к ценностям культуры и России, и мира, приобщать и взрослых, и юных. Он был Учителем и по дарованиям своим, и по вере своей в то, что просвещение — основа нравственности. Эта мысль, не раз формулированная и Карамзиным, и Пушкиным, была близка и понятна ему. И человек, глубоко современный по мироощущению и ясно чувствующий, что доходит быстрее и крепче до ума и души наших современников, особенно молодежи, Лакшин сразу же понял

В этом году ставшие уже традиционными Лакшинские чтения в Центральном доме работников искусств были особенно многолюдны. В Чтениях приняли участие писатель Анатолий Королев, критик и литературовед Игорь Волгин, писатель и ректор Литературного института Сергей Есин, доктор филологических наук профессор Юрий Манн, историк Рой Медведев, математик академик Александр Абрамов, историк Сигурд Шмидт и Валентина Твардовская.

На вечере выступили пианистка профессор Московской консерватории Наталья Деева, певец Владимир Гребняк, народный артист России Николай Пенюков.

значение телевидения в формировании и поддержании наших эстетических и этических представлений. И явился творцом подлинно научно-просветительского направления в телевидении — и одновременно художественного. Полагаю, что ему тут помогли не только его знание истории театра и драматургии, но и общение со средой актеров, опыт и семейные наблюдения, и размышлений над зрительским восприятием. Вообще восприятие написанного и сказанного — одна из главных и волнующих тем лакшинского творчества, что отражено даже в заголовке статей его в «Новом мире»: «Писатель, читатель, критик». Педагогика для Лакшина прежде всего воспитание, воспитание души и ума. И это тоже традиция великой русской литературы, отраженная даже в биографиях, в тематике произведений ее классиков — и Карамзина, Жуковского, Пушкина и поздней Льва Толстого, Достоевского, Чехова.

Лакшин сумел остаться воплощением русской интеллигентности и, что гораздо труднее, современности этого понятия с понятием «интеллигентность».

Слово «интеллигентия» западноевропейской лексики пришло в западные языки из литературы России. В оксфордском словаре «Литература» написано, что это «латинский звучащее слово из России и означает свободно мыслящую часть человечества». И не могут

Именно таким предстает он в беседе нынешнего редактора «Нового мира» Андрея Василевского с критиком Мариэттой Чудаковой — членом общественного совета журнала (№ 1 за 2000 г.). Как ни парадоксально, но если в пору редакторства Твардовского журнал обвиняли в отсутствии партийной позиции, ныне упрекают за излишнюю к ней приверженность, за неспособность освободиться от догм марксистской идеологии. Из этого вытекает и соответствующая оценка журнала. На вопрос А.Василевского, был ли этот «новомирский этап» 60-х годов в целом позитивным, М.Чудакова смеется (как сле-

перевести разницу в смысле слов «интеллигентия» и «интеллигентность»). Интеллигентия — образованность, интеллигентность — манера поведения, свойство мысли. Немногом это дано в совмещении. Слово «интеллигентия» придумал и впервые написал не Боборыкин, а Жуковский еще в год рождения Боборыкина в дневнике 1836 года. Это слова пушкинского круга. У меня об этом статьи 1990-х годов, и это мнение утвердилось в статьях сборника «Русская интеллигентия. История и судьба», вышедшего в издательстве «Наука» в 1999 г.

Когда Пьера Безухова Толстой в «Войне и мире» приводит в салон фрейлины Анны Павловны Шерер, молодой человек полагает, что там собралась петербургская «интеллигентия», и он ожидает услышать умные речи, а вынужден слушать дебри князя Иполита. То есть уже в середине прошлого века не смешивали понятия «интеллигентия» и «интеллигентность». Не всякий интеллигент по своему образованию и профессиональным занятиям интеллигентен. Разделение в реальности «интеллигентии» и «интеллигентности» все более осязательно — и это едва ли не главная утрата нашей российской культуры, потеря ее драгоценной и привлекательнейшей особенности. И за рубежом это тоже понимают.

Когда несколько лет назад Нобелевский комитет пригласил двух россиян, воплощающих для них совмещение интеллигентии с интеллигентностью, они выбрали двух человек: Дмитрия Сергеевича Лихачева и Булата Шалвовича Окуджаву. И они были правы, потому что эти лица — воплощение такого совмещения. Вот к такого рода людям можно отнести и Владимира Яковлевича Лакшина.

Как историк, понимаю, что ко всякому явлению прошлого следует подходить с двух позиций: какое значение оно имело для современников и как оно по своим последствием оценивается потомками, а если это явление культуры, то в какой мере востребовано ими. Некоторые явления, оказывавшие заметное воздействие на современников, сильно волновавшие их, со временем утрачивают эту силу, особенно в наш быстротечный век с его сменой событий и впечатлений.

И я рад, что сегодня мы снова собрались и что люди, которые по возрасту не могли общаться с Владимиром Яковлевичем, тем более не могли переживать те впечатления, которые были нанесены совети народа закрытием «Нового мира», что люди уходят из жизни. Они уходят из повседневности. Мы не можем с ними общаться. Они живут в нашей памяти. Но они, те, которые заслужили, они остаются в жизни.

И радует, что в канун новых столетия и тысячелетия собравшиеся в этом зале ощущают себя современниками не Доренко или научно-образно искажающего наше прошлое Фоменко, а современниками Лакшина, имя которого будет достойно представлять наше время в будущем, перейдет в грядущее тысячелетие.

У журнала была своя линия

ВРЕМЯ «НОВОГО МИРА»

Валентина Твардовская

ЛАКШИНСКИЕ чтения в этом году — особые. На 2000 год приходится несколько памятных дат, к которым в той или иной степени причастен Владимир Лакшин: 75-летие «Нового мира», 90-летие Александра Твардовского, 50 лет назад впервые названного редактором этого журнала, и 30-летие со дня разгона «Нового мира». Мне бы и хотелось поговорить об этом журнале, с которым тесно и прочно связан свою судьбу В.Лакшин — его великий критик, член редколлегии, правая рука редактора.

История «Нового мира» еще не написана, нет и антологии журнала, а комплекты его имеются далеко не во всех даже центральных библиотеках. Тем, кто «из этого поколения», уже трудно понять роль и место этого журнала в духовной и общественной жизни 1960-х гг. С одной стороны, молва доносит слухи о «старом» «Новом мире» как журнале, читавшемся нарасхват, в котором были сосредоточены лучшие силы советской литературы. Но кое-кто уже справил поминки по этой литературе, а о журнале Твардовского говорят как об отставшем от требований времени, «закостеневшем» в марксизме, ленинизме и прочих измах.

Именно таким предстает он в беседе нынешнего редактора «Нового мира» Андрея Василевского с критиком Мариэттой Чудаковой — членом общественного совета журнала (№ 1 за 2000 г.). Как ни парадоксально, но если в пору редакторства Твардовского журнал обвиняли в отсутствии партийной позиции, ныне упрекают за излишнюю к ней приверженность, за неспособность освободиться от догм марксистской идеологии. Из этого вытекает и соответствующая оценка журнала. На вопрос А.Василевского, был ли этот «новомирский этап» 60-х годов в целом позитивным, М.Чудакова смеется (как сле-

деленное единство идейно-эстетических принципов. Главный из них редактор сформулировал кратко, но емко: «Все, что талантливо и правдиво, нам на пользу». Это был журнал с «лицом не общим выражением» — его нельзя было спутать с каким-либо другим изданием, он был единственным в своем роде. А Василевский как раз считал достоинством своего журнала отсутствие

у него линии, гордится его плюрализмом. Но ведь кто-то не без основания заметил, что плюрализм в одном журнале, все равно, что плюрализм в голове. Не потому ли «Новый мир» наших дней похож на другие журналы и не имеет своего собственного читателя?

Правда, редактор А.Василевский уверен, что качество его журнала «не ниже, чем в лучшие годы». Но, сопоставив хотя бы юбилейные — под № 1-м — книжки «Нового мира» 2000 и 1965 гг., можно в этом усомниться. В № 1 журнала, вышедшего 35 лет тому назад под редакцией А.Твардовского, по-прежнему представала А.Ахматовой, О.Берггольц, Евг. Евтушенко, Д.Самойловым, Б.Пастернаком, а также поэтами национальных республик — Мустаей Каримом, Кайсыном Кулиевым, Арк. Кулешовым. Здесь же — проза Виктора Некрасова (тогда уже опального), И.С. Соколова-Микитова, К.Фелина, Б.Пастернака, И.Эренбурга (мемуары), Г.Грозовского и Генрика Белля. Передовая «По случаю юбилея» Твардовского дополняется основательной исследовательской статьей А.Г. Дементьева и Н.И. Дикушиной о 40-летнем пути «Нового мира». В разделе «В мире науки» (сейчас он в журнале отсутствует) — статья академика Б.Кедрова «Пути познания истины (Раздумья о судьбах естествознания)». Сравнивая это богатство с содержанием свежего № 1 2000 года, ощущаешь явное оскудение литературного процесса. И дело не в том, конечно, что нет здесь громких имен, а большинство авторов и вовсе незнакомы широкому читателю. А Твардовский тоже часто печатал авторов безвестных: целый ряд талантов были открыты именно в «Новом мире». Но среди вполне читабельной прозы нового журнала и хороших стихов нет ничего, что задело бы за душу, запомнилось, о чем заговорили бы отделившись от догм марксизма идеологи.

А ведь «новомирцам»-шестидесятикам и не снились нынешние условия журнальной работы: компьютеризация плюс отсутствие

люзий, чем прямые обличения тоталитарного социализма с его уравнильностью и чертами казармы. В произведениях Ф.Абрамова, В.Можаяева, В.Белова, С.Залыгина, В.Тендрякова картины жизни деревни — постереволуционной, довоенной и послевоенной — красноречиво свидетельствовали о том, к чему привело социалистическое строительство: упадок сельского хозяйства, беспутная регламентация труда земледельца, засилье бюрократии, гибель природы. К выводам о несостоятельности существующей системы по своему подвоху и публицисты-деревенщики — честные исследователи крестьянской жизни, с их непрерывными поисками путей выхода из кризисного состояния колхозного строя — В.Овечкин, Е.Дорош, Л.Иванов и другие.

«Живая жизнь», талантливо и правдиво воспроизведенная авторами журнала, противостояла социалистической идеологии и практике, программным декларациям партии о преимуществах новой — социалистической общины. Силу и действенность этого противостояния остро ощущала власть. Главное обвинение, предъявлявшееся «Новому миру», было обвинением в «очернительстве» советской действительности. То «быстрое изживание социалистических иллюзий», о котором говорит А.Василевский, было подготовлено именно «новомирской литературой», где этот процесс уже вполне обозначился. Перестроенная публицистика, в которой усматривается разрыв с «новомирской» традицией, как раз оказывалась в общем русле публикаций журнала 60-х годов, как их естественное продолжение и завершение. Кстати сказать, значительную часть потока произведений, хлынувшего на страницы «Нового мира» на рубеже 80-90-х годов, составляли те, что оставались в портфеле журнала Твардовского, подготовленные к печати, ослепленные авансами, но так и не преодолевшие цензурой преграды.

«Живая жизнь», талантливо и правдиво воспроизведенная авторами журнала, противостояла социалистической идеологии и практике, программным декларациям партии о преимуществах новой — социалистической общины. Силу и действенность этого противостояния остро ощущала власть. Главное обвинение, предъявлявшееся «Новому миру», было обвинением в «очернительстве» советской действительности. То «быстрое изживание социалистических иллюзий», о котором говорит А.Василевский, было подготовлено именно «новомирской литературой», где этот процесс уже вполне обозначился. Перестроенная публицистика, в которой усматривается разрыв с «новомирской» традицией, как раз оказывалась в общем русле публикаций журнала 60-х годов, как их естественное продолжение и завершение. Кстати сказать, значительную часть потока произведений, хлынувшего на страницы «Нового мира» на рубеже 80-90-х годов, составляли те, что оставались в портфеле журнала Твардовского, подготовленные к печати, ослепленные авансами, но так и не преодолевшие цензурой преграды.

«Живая жизнь», талантливо и правдиво воспроизведенная авторами журнала, противостояла социалистической идеологии и практике, программным декларациям партии о преимуществах новой — социалистической общины. Силу и действенность этого противостояния остро ощущала власть. Главное обвинение, предъявлявшееся «Новому миру», было обвинением в «очернительстве» советской действительности. То «быстрое изживание социалистических иллюзий», о котором говорит А.Василевский, было подготовлено именно «новомирской литературой», где этот процесс уже вполне обозначился. Перестроенная публицистика, в которой усматривается разрыв с «новомирской» традицией, как раз оказывалась в общем русле публикаций журнала 60-х годов, как их естественное продолжение и завершение. Кстати сказать, значительную часть потока произведений, хлынувшего на страницы «Нового мира» на рубеже 80-90-х годов, составляли те, что оставались в портфеле журнала Твардовского, подготовленные к печати, ослепленные авансами, но так и не преодолевшие цензурой преграды.

правда, то, когда она ясно слышна, всякий сознательный представитель рабочего класса, всякий трубящийся крестьянин извлечет из нее единственно верный вывод». Напоминание об этой «ленинской норме» было для редактора одним из способов ответить тем, кто утверждал, что «не всякая правда нам нужна». На XXII съезде КПСС А.Твардовский цитировал слова Ленина о том, что «не надо объяв-

лять себя неправдой. Это вредно. Это — главный источник нашего бюрократизма». С партийной трибуны редактор «Нового мира» говорил о необходимости для писателя говорить правду о жизни без всякой уклончивости и оглядки. Под влиянием этой речи А.Твардовского Александр Солженицын и псевдоним Иван Денисович рукописи повести «Один день Ивана Денисовича». Обсуждая вопрос о том, из каких побуждений — внутренних или тактических — прибегают «новомирцы» к Ленину, критики как бы забывают упомянуть, что любое советское издание неизбежно должно было и ссылаться на классиков марксизма, и публиковать даты, с ним связанные, свои публикации. Избежать этого легальным журналу было невозможно. И когда М.Чудакова, профессиональный литератор 60-х годов, сетует на обращения к Ленину, на определенные границы, которые воздвигал в работе с авторами В.Ленин, она явно не учитывает саму природу легального журнала, как и не понимает его особого значения в жизни советского общества. Петр Григоренко, открыто брошенный вывоз советской интеллигентности, вступивший с ней в прямую борьбу, это понимал. Обсуждая несправедливые оценки «Нового мира» Твардовского Солженицыным (а к ним, по сути, и восходят суждения нынешних критиков журнала), он писал ему: «В одном решающем не только я, но и вы на целую эпоху отстали от Твардовского. Когда вы еще и не помышляли о возможности легального выступления в печати, Твардовский создавал и пестовал свой журнал. Удалось ли бы вам вырваться на свет, если бы не он?»

В представлении М.Чудаковой Солженицын «вырывается на свет» не только сам по себе, но как бы вопреки «Новому миру». По ее словам, он «спил то, что пишется «в стол», с тем, что печатается». Те, кто не знает историю опубликования Солженицына в «Новом мире», могут подумать, что у писателя был свой типографский станок или свой собственный печатный орган. Но точно так же сам по себе приходит в литературу Солженицын и в статье Александра Архангельского «Новый мир» между прошлым и будущим» («Известия», 30.11.1999). В его бойком, но весьма поверхностном очерке в «советской» литературе «вдруг раскрутилась некая «сказка пружина». М.Чудакова говорит о «большом замешательстве» в редакции при появлении рукописи Солженицына, в которой «Лениным и какими-то нормами «социалистической законности» и не пахло». Но забывает упомянуть, что именно «Новый мир», рискуя самим существованием своим, опубликовал Солженицына и — единственный — защищал его от последующей травмы. Лучшую статью о Солженицыне написал «Ленинец» (по определению М.Чудаковой) Лакшин. Глубокий анализ повести на литературную тему подвигнул читателя к мысли, что она не только о лагере — обо всех нас, о нашем обществе и его строении. Статья Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги» стала общественным событием.

М.Чудакова считает, что в понимании хода истории XX века намного определила «новомирцев»: ей и ее мужу все было ясно уже после 1956 года. Пусть так, но ведь ее общественное мнение никак не сказалось в печати. А остальные «новомирцы» сумели-таки открыть новый этап в развитии литературы, званый, по признанию критиков «Нового мира», с публикацией им Солженицына. Поистине, не будь «Нового мира», вся картина нашей общественной жизни была бы другой. Недаром журнал стал одним из важных источников исследования советской эпохи в литературе по сравнению с тем, что оставил полсотенный журнал.

Создавать и двигать такой журнал в условиях тоталитарного режима стоило много сил, здоровья и крови его редактору, членам редколлегии, авторам. А Твардовский отдал «Новому миру» 16 лет жизни, они могли бы стать лучшими для его собственной работы в поэзии и в прозе, к которой он всегда тяготел. Сорокалетним пришел он в журнал и шестидесятилетним смертельно заболел, когда его детище — созданный и выпестованный им «Новый мир» — отняли у него. По словам П.Григоренко, нравственный авторитет которого вряд ли кто поставит под сомнение, поэт, «жертвуя собой и своим талантом, отыскивал и выводил на большую дорогу Русской литературы новые прогрессивные литературные силы», «стремился не только себя выразить, как это делают большинство даже больших писателей, но и улучшить атмосферу общественной атмосферы Твардовский попытался вырваться «не одиночкой, а опираясь на молодых дарования». Донести истину о Твардовском и его журнале П.Григоренко считал обязанностью современников.

Юрий Яковлев и Владимир Лакшин на съемках фильма о Чехове.

дует из ремарки: «Ну, знаете...» — и далее возникает образ однокомнатной квартиры, в которую трудно что-либо вставить, да и сама жизнь в нее не вмещается. Этот житейский пример должен пояснить и условия, в которых существовал «Новый мир» тогда, и, соответственно, его возможность. Но журнал, обращавшийся к миллионному читателю и получавший отовсюду живые отклики — свидетель в замкнутое, ограниченное, безжизненное пространство. Думается, в «однокомнатной квартире» оказался как раз нынешний «Новый мир», с его малым тиражом и сравнительно узким кругом читателей.

Трудности в современном журнальном деле собеседники усматривают в объективных условиях, в изменениях, произошедших в обществе, которому сейчас не до толстых журналов. Но ведь условия для издания журналов в постленинскую эпоху были по-своему не менее сложными, читатель той поры — более развит, чем современный, не более восприимчив к литературе, не более отзывчив. Однако журнал Твардовского сумел его завоевать своим содержанием.

У журнала тогда была своя линия — определенная позиция.

Проявлением косности и непоследовательности позиции «Нового мира» 60-х его современные критики считают обращения на его страницах к Ленину, уважительные упоминания о нем, о «ленинских нормах». М.Чудакова усматривает здесь «разлагающее» действие на общество, бесконечно большее, чем когда это делалось в «Октябре». И редактор, и авторы старого «Нового мира» действительно обращались к В.И. Ленину: ленинские высказывания порой служили способом защиты или нападения в идеологических спорах. От многих ленинских положений КПСС давно отступила, и напоминание о них выявляло двойственность и фальшь ее позиции, противоречие идеологии и практики.

Я уверена, что ни за одну приведенную цитату из Ленина отцу не было стыдно. Любил он напоминать утверждение воля о неслепотности административного вмешательства в литературный процесс (из статьи «Партийная организация и партийная литература»). Упомянутая статья «По случаю юбилея» — нигде не перепечатывавшейся, так и оставшейся на страницах «Нового мира» 1965 года — он напоминает призыв Ленина не бояться правды, даже если ее могут использовать враги: «Мы говорим: «пусть!» Мы гораздо больше извлекаем из прямой и открытой правды, потому что уверены, что если это и тяжелей-

Валентина Александровна Твардовская — доктор исторических наук.